

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 139

30 июня 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя заявителя К. – адвоката К С.В. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов; удостоверение адвоката № ..., выдано Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по С. области 29 сентября 2025 года; Ордер № ... от 29 июня 2026 года) и адвоката М., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 22 января 2026 года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 20 мая 2026 года вынесла заключение:

1) о неисполнении адвокатом М., вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно и добросовестно отстаивать права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившемся в том, что, добровольно приняв на себя 02 декабря 2025 года на основании Дополнительного соглашения № ... от 02 декабря 2025 года к Соглашению № ... об оказании квалифицированной юридической помощи от 27 сентября 2025 года, письменное обязательство о возврате в течение двух дней с момента подписания указанного дополнительного соглашения доверителю К. 2 350 000 рублей неотработанного вознаграждения (полученного авансом на основании Соглашения № ... об оказании квалифицированной юридической помощи от 27 сентября 2025 года, а также по устной договоренности),

адвокат М., не имея намерения исполнить это обязательство в полном объеме и злоупотребляя доверием, сформировавшимся к нему как к адвокату у доверителя К., уклонился от исполнения этого обязательства в части суммы в размере 2 000 000 рублей вплоть до настоящего времени (по крайней мере, до 20 мая 2026 года включительно);

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе К. от 22 января 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель К., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, просил рассмотреть свою жалобу в его отсутствие (служебная записка б/н от 30 июня 2026 года), обеспечил участие в заседании Совета своего представителя К С.В., который также подтвердил получение заключения Квалификационной комиссии, ознакомление и согласие с ним и от имени своего доверителя К. высказал мнение о необходимости применения к адвокату М. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката в связи с его крайне недобросовестным поведением. С учетом этих обстоятельств и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося заявителя К.

Адвокат М. в заседании Совета пояснил, что с заключением Квалификационной комиссии согласен частично. Он не оспаривает факт неисполнения обязательства по возврату денежных средств, однако не согласен с выводом о злоупотреблении доверием К. Поддержал доводы своих письменных возражений (вх. № ... от ...), в которых указал, что не вернул долг доверителю в силу стечения обстоятельств, просил не прекращать его статус адвоката, обязался возратить долг «при первой возможности», а впредь быть «более осмотрительным». Отвечая на вопросы членов Совета, подтвердил, что до настоящего времени денежные средства К. не возвратил ни полностью, ни в какой-либо части, за исключением возвращенных в декабре 2025 года 350 тыс. руб. Отметил, что возможно, недостаточно точно выразил свою позицию о намерении пересмотреть сумму неисполненного обязательства. В действительности он это свое обязательство не оспаривает. Вместе с тем он считает, что в результате дисциплинарного разбирательства был опровергнут довод о том, что соглашение от 27 сентября 2025 года было заключено им не в целях оказания юридической помощи, а для получения денежных средств доверителя. На протяжении двух месяцев он оказывал К. квалифицированную юридическую помощь и намерен отстаивать эту позицию в судебном порядке, поскольку соответствующий довод приведен доверителем в исковом заявлении.

До 20 января 2026 года он предпринимал попытки урегулировать вопрос о возврате задолженности путем переговоров с К. Но после того, как в последнем разговоре доверитель сообщил ему, что более не намерен ожидать возврата денежных средств и в случае их невозврата до 20 января 2026 года прекратит переговоры, обратившись с иском в суд и с жалобой в Адвокатскую палату, он пришел к выводу о невозможности дальнейших переговоров, поскольку ранее уже неоднократно просил доверителя предоставить отсрочку возврата долга. Полагает, что переоценил свои возможности возвратить денежные средства в столь короткий срок, как это предусмотрено дополнительным соглашением. Он пытался изыскать необходимые средства, в том числе обращался к знакомым с просьбой предоставить денежные средства в долг, собирался продать мебель, однако положительных результатов не получил. Полагает, что его поведение не свидетельствует о злоупотреблении доверием К., поскольку свой долг он не отрицает и постарается вернуть его при первой возможности. Выразил сожаление в связи с тем, что его недостаточно обдуманное действие повлекли нарушение корпоративных норм. В связи с этим принес извинения адвокатскому сообществу в лице Совета, а также доверителю К. и пообещал впредь не допускать подобного. Кроме того, просил учесть, что адвокатская деятельность является его единственным источником дохода, на его иждивении находится несовершеннолетний сын 14 лет, проживающий с бывшей супругой в г. Е., а его профессиональная специализация связана с уголовным правом.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 27 сентября 2025 года между К. и адвокатом М. было заключено Соглашение об оказании квалифицированной юридической помощи № Предметом соглашения являлось представление интересов К. в правоохранительных и судебных органах по факту совершения в отношении него мошеннических действий, выразившихся в незаконном завладении 18 000 000 рублей. По условиям соглашения адвокат М. обязался, в числе прочего, провести юридический анализ представленных материалов, согласовать с доверителем стратегию и тактику ведения дела, подготовить и согласовать текст заявления о преступлении, а при необходимости направить его в правоохранительные органы.

29 сентября 2025 года К. перечислил адвокату М. 1 800 000 рублей в счет оплаты вознаграждения по соглашению. 31 октября 2025 года К. дополнительно перечислил адвокату М. 600 000 рублей с назначением платежа по тому же соглашению. Получение денежных средств адвокат подтвердил в переписке. Таким образом, общая сумма денежных средств, перечисленных К. адвокату М. в связи с исполнением соглашения от 27 сентября 2025 года, составила 2 400 000 рублей.

Адвокат М. приступил к исполнению поручения: консультировал доверителя и 6 ноября 2025 года представил ему проект заявления о преступлении. 7 ноября 2025 года К. возвратил адвокату указанный проект с внесенными изменениями.

13 ноября 2025 года адвокат М. направил К. проект дополнительного соглашения, предусматривавшего расширение предмета поручения и увеличение размера вознаграждения адвоката до 3 000 000 рублей. Вместе с тем доказательств подписания указанного дополнительного соглашения либо согласования доверителем увеличенного размера вознаграждения материалы дисциплинарного производства не содержат.

02 декабря 2025 года стороны заключили Дополнительное соглашение о расторжении соглашения от 27 сентября 2025 года. В нем стороны согласовали, что размер вознаграждения адвоката составляет 50 000 рублей, а оставшаяся сумма подлежит возврату доверителю. В тот же день адвокат М. принял на себя письменное обязательство в течение двух дней возвратить К. 1 750 000 рублей из суммы, перечисленной 29 сентября 2025 года, а также 600 000 рублей, перечисленные 31 октября 2025 года. Общая сумма денежных средств, подлежащих возврату доверителю, составила 2 350 000 рублей.

05 декабря 2025 года К. направил адвокату М. письменную претензию с требованием возвратить неотработанное вознаграждение в сумме 2 350 000 рублей. 15 декабря 2025 года адвокат М. возвратил К. 350 000 рублей. Оставшаяся сумма в размере 2 000 000 рублей не возвращена до настоящего времени, в том числе на момент рассмотрения дисциплинарного производства Советом.

23 декабря 2025 года адвокат М. направил К. проект дополнительного соглашения, предусматривавший уплату процентов на сумму невозвращенных денежных средств в размере 2 000 000 рублей до момента фактического возврата. К. с этим предложением не согласился.

Материалы дисциплинарного производства не содержат доказательств того, что после частичного возврата 15 декабря 2025 года 350 000 рублей адвокат М. предпринимал какие-либо действия, направленные на реальное исполнение принятого им письменного обязательства перед доверителем по возврату оставшейся суммы. Более того, в объяснениях от 19 мая 2026 года адвокат М. указал, что намерен определить стоимость оказанной юридической помощи в судебном порядке в рамках возможного гражданско-правового спора с К., а задолженность перед доверителем будет погашена после принятия судом итогового решения. Эту позицию адвоката М. Совет, вопреки его последующим пояснениям в заседании Совета, расценивает как уклонение от исполнения принятого на себя обязательства перед доверителем К. о возвращении неотработанного вознаграждения.

Оценивая дисциплинарное обвинение в уклонении адвоката М. от исполнения добровольно принятого письменного обязательства о возврате доверителю К. неотработанной части вознаграждения и в злоупотреблении

тем самым доверием К., обусловленным профессиональными отношениями адвоката и доверителя, Совет приходит к следующим выводам.

Согласно ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему (п. 1). Адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2). Злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката (п. 3).

В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Аналогичная профессиональная обязанность закреплена в п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, согласно пп. 2 п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи; при расторжении соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы; удержание неотработанной части внесенного гонорара является недопустимым.

Указанные положения имеют значение не только для оценки действий адвоката при принятии и исполнении поручения, но и для оценки его поведения при прекращении соглашения, определении отработанной части вознаграждения и возврате доверителю денежных средств, подлежащих возврату.

В рассматриваемом случае адвокат М., заключая с К. Дополнительное соглашение от 02 декабря 2025 года, действовал не как частное лицо, а именно как адвокат, состоявший с доверителем в правоотношениях по оказанию юридической помощи на основании Соглашения от 27 сентября 2025 года.

Дополнительным соглашением от 02 декабря 2025 года адвокат М. признал, что из полученных им от доверителя денежных средств в общей сумме 2 400 000 рублей отработанным является вознаграждение только в размере 50 000 рублей, а остальные полученные им денежные средства в сумме 2 350 000 рублей подлежат возврату доверителю в течение двух дней после подписания указанного дополнительного соглашения. Адвокат М. в письменной форме обязался произвести возврат этих денежных средств в указанный срок.

Каких-либо условий, позволяющих адвокату М. в одностороннем порядке пересмотреть согласованный размер отработанного и неотработанного вознаграждения, изменить срок возврата неотработанного вознаграждения либо поставить этот возврат в зависимость от хода и

результатов будущего судебного спора, Дополнительное соглашение от 02 декабря 2025 года не содержит. Каких-либо изменений в условия этого дополнительного соглашения стороны не согласовывали и не вносили.

При таких обстоятельствах К. имел разумные основания рассчитывать на добровольное и своевременное исполнение адвокатом М. принятого им письменного обязательства, а последний был обязан это обязательство перед доверителем исполнить надлежащим образом. Доверие К. к адвокату М. основывалось не только на факте наличия подписанного соглашения и его содержании, но и на профессиональном статусе адвоката, предполагающем соблюдение повышенных стандартов честности, разумности и добросовестности в отношениях с доверителем.

Однако адвокат М. обязательство не исполнил не только в установленный срок, но и до настоящего времени, то есть в течение более чем полугода после его истечения. Он возвратил доверителю К. только 350 000 рублей, причем лишь после получения его письменной претензии от 5 декабря 2025 года. Оставшаяся сумма в размере 2 000 000 рублей не возвращена, при этом адвокат М. и на момент рассмотрения дисциплинарного производства Советом не выразил безусловного намерения возвратить ее в какой-либо разумный и конкретный срок и не просит о согласовании К. такого срока, а лишь говорит о намерении возвратить долг «при первой возможности». Не представил адвокат М. и доказательств наличия каких-либо объективных препятствий к исполнению добровольно принятого обязательства. Ссылки на тяжелое материальное положение и смерть близкого родственника таким доказательствами не являются, поскольку рассматриваемое обязательство адвокат М. принял уже после наступления указанных обстоятельств и сделал это добровольно. Кроме того, приняв обязательство о двухдневном сроке возврата, адвокат М., как указано выше, не исполняет его в течение более чем полугода.

Совокупность установленных в результате дисциплинарного разбирательства обстоятельств вне разумных сомнений свидетельствует об уклонении адвоката М. от исполнения принятых им на основании Дополнительного соглашения от 2 декабря 2025 года обязательств перед доверителем К.

Так, после частичного возврата 350 000 рублей в декабре 2025 года адвокат М. неоднократно сообщал доверителю о намерении вернуть оставшуюся сумму «в ближайшее время», «сегодня», «как только поступят на счет», «до понедельника», «на этой неделе». Указанные обещания адвоката М. объективно поддерживали у его доверителя К. ожидание возврата денежных средств. Однако ни одно из этих обещаний адвокатом М. исполнено не было ни полностью, ни в какой-либо части, а денежные средства в размере 2 000 000 рублей, подлежащие возврату, продолжали им удерживаться.

Последующее же выражение адвокатом М. намерения пересмотреть эти обязательства перед доверителем, как указано выше, свидетельствует о

его фактическом уклонении от исполнения добровольно принятого письменного обязательства перед доверителем.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат М., добровольно приняв на себя письменное обязательство возратить доверителю неотработанную часть вознаграждения, фактически уклонился от исполнения этого обязательства в основной его части. При этом он, используя доверие К. к нему как к адвокату, поддерживал у последнего ожидание скорого возврата денежных средств и одновременно не предпринимал никаких реальных действий к этому.

Совет неоднократно отмечал, что надлежащее исполнение адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и строгое выполнение адвокатом требований закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник отношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы соответствующие процедуры не нарушали права и законные интересы доверителя (см., например, п. 2 «Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем» <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/reviews/11313/>).

Однако описанное поведение адвоката М. не может рассматриваться лишь как неисполнение гражданско-правового обязательства и профессиональной обязанности по надлежащей формализации отношений с доверителем. В рассматриваемой ситуации адвокат М. использовал свой адвокатский статус и доверие К., обусловленное этим статусом и ранее сложившимися между ними отношениями адвоката с доверителем, то есть злоупотреблял доверием К. в недобросовестных целях.

По этой причине Совет отклоняет как несостоятельный и надуманный довод адвоката М. об отсутствии в его поведении злоупотребления доверием К. Ссылки же адвоката М. на то, что он оказывал юридическую помощь доверителю, не меняют оценки его профессионального поведения в рассматриваемой части.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат М., добровольно приняв на себя 02 декабря 2025 года письменное обязательство о возврате доверителю К. 2 350 000 рублей неотработанного вознаграждения, уклонился от исполнения указанного обязательства в части возврата 2 000 000 рублей, злоупотребив доверием К., обусловленным его профессиональным статусом и отношениями с доверителем. Указанными действиями адвокат М. нарушил взаимосвязанные требования пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 5 и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М. в данной части опровергнутой, а

его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения – установленной.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что дисциплинарное обвинение в заключении адвокатом М. соглашения с К. об оказании юридической помощи от 27 сентября 2025 года при отсутствии намерения оказывать доверителю юридическую помощь не нашло подтверждения. Как указано выше, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что после заключения этого соглашения адвокат М. приступил к исполнению поручения: взаимодействовал с доверителем и его супругой, консультировал доверителя, анализировал представленные материалы, а также подготовил и представил доверителю проект заявления о преступлении. Последующий спор сторон об объеме и качестве оказанной юридической помощи и причинах расторжения соглашения не свидетельствует об изначальном отсутствии у адвоката намерения его исполнять. В связи с этим дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению. Однако Совет вновь подчеркивает, что данное обстоятельство не устраняет и не умаляет обязанности адвоката исполнить добровольно принятое им письменное обязательство перед доверителем о возврате неотработанной части вознаграждения после расторжения соглашения.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии в действиях адвоката М. признаков нарушения п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя. Денежные средства были получены адвокатом М. от К. не в качестве займа или иной личной финансовой помощи, а в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи, что не может рассматриваться как постановка адвоката в долговую зависимость перед доверителем. Действиям адвоката М. по удержанию денежных средств, полученных в качестве вознаграждения за юридическую помощь, и неисполнению обязательства по их возврату уже дана правовая оценка выше. В связи с изложенным, дисциплинарное производство в данной части также подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката М. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его тяжесть, умышленный и злостный характер, сопряженный с длительным удержанием денежных средств доверителя в сочетании со злоупотреблением его доверием, что в силу императивного характера предписания п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката несовместимо со статусом адвоката. Совет оценивает профессиональное поведение адвоката М. как умышленное нарушение фундаментальных профессионально-этических требований честности и добросовестности, подрывающее доверие и наносящее ущерб авторитету адвокатуры. Совет также принимает во внимание, что Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 декабря 2025 года № ... к адвокату М. уже была применена мера

дисциплинарной ответственности в виде замечания. Однако ранее примененная мера дисциплинарной ответственности не побудила адвоката М. к безупречному профессиональному поведению. Более того, после ее применения он совершил значительно более тяжкое дисциплинарное нарушение. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката М. недопустимым и несовместимым с пребыванием в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Поведение адвоката М. свидетельствует о том, что он не обладает необходимыми профессиональными и личными качествами для осуществления адвокатской деятельности, а при ее осуществлении руководствуется мотивами, чуждыми профессиональному назначению адвоката, самой сущности профессии и ее достоинству.

Совет принимает во внимание принесенные адвокатом М. извинения, его ссылки на семейные обстоятельства и имущественное положение. Вместе с тем, указанные обстоятельства не могут быть признаны достаточными для применения более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это не отвечало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также дало бы основания полагать, что подобное профессиональное поведение совместимо со статусом адвоката.

В соответствии с пп. 1 и 2 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он является, на основании заключения Квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей, а также при нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет с учетом всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности адвоката М., его профессиональном стаже, семейном и имущественном положении, считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно и добросовестно отстаивать права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся в том, что он, добровольно приняв на себя на основании Дополнительного соглашения от 02 декабря 2025 года № 1 к Соглашению № ... об оказании квалифицированной юридической помощи от 27 сентября 2025 года письменное обязательство о возврате в течение двух дней с момента подписания указанного дополнительного соглашения доверителю К. 2 350 000 рублей неотработанного вознаграждения (полученного авансом на основании Соглашения № ... об оказании квалифицированной юридической помощи от 27 сентября 2025 года, а также по устной договоренности), не имея намерения исполнить это обязательство в полном объеме и злоупотребляя доверием, сформировавшимся к нему как к адвокату у доверителя К., уклонился от исполнения этого обязательства в части суммы в размере 2 000 000 рублей вплоть до настоящего времени.

Установить срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, в 2 (два) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе К. от 22 января 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков